

Заключение. Алла Головина в произведениях-посвящениях А. Ахматовой и М. Цветаевой продемонстрировала приверженность традициям русской поэзии, которую воспринимала, в том числе, через трагические судьбы двух великих поэтов-женщин М. Цветаевой и А. Ахматовой. Можно утверждать, что они стали не только её учителями в поэзии, но осмысливались ею как некие символические образы героинь, принявших свои трагические судьбы, разделившие их вместе с родиной, но так и оставшихся не сломленными и не побежденными тяжелым гранитом бед и потерь.

Список цитируемых источников

1. Вилла «Надежда». Стихи. Рассказы / сост. Л. Г. Баранова-Гонченко. — М. : Современник, 1992. — 367 с.
2. Гуль, Р. Я. Унёс Россию. Апология эмиграции / Р. Я. Гуль. — Нью-Йорк : Мост, 1981. — Т. 1. Россия в Германии.

УДК 821.161.1.09'18'

С. В. Караборчева

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет», Воронеж, Россия

СИТУАЦИИ ВСТРЕЧИ С ПРИЗРАКАМИ В РУССКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА: ТИПОЛОГИЯ

Введение. Видения, призраки, привидения, тени — одни из излюбленных персонажей русской лирической поэзии эпохи романтизма. Они нашли своё отражение в творчестве многих романтиков первой четверти XIX века. Их в высшей степени привлекала область непознанная, мистическая. Именно эти объекты как раз и представляют собой нечто, возникающее на границе двух пространств: небесного и земного, зримого и незримого, находящегося между конкретным, реальным «здесь» и загадочным «там».

В своей работе мы решили очертить круг сюжетных ситуаций, в которых активным субъектом действия являются как раз фантастические объекты — «пришельцы» потустороннего мира, — и выявить условия их появления и формы их поведения по отношению к герою-созерцателю.

Материал для решения этих задач — корпус поэтических текстов В. Жуковского, К. Батюшкова, Е. Баратынского, В. Туманского, П. Вяземского.

Основная часть. Центральными событиями в текстах поэтов-романтиков, в которых присутствуют элементы фантастического, являются следующие:

1. Сон. Это особое состояние, природу которого однозначно определить невозможно. В словаре языка А. С. Пушкина этой лексеме дается несколько значений [2, с. 295]:

1) состояние спящего; отдых тела в забытии чувств.

Вдова ждала Парашу долго; сон Ее клонил тихонько...;

2) то, что снится, сновидение.

Недвижим он Глядит на дверь, куда, как сон, Его красавица сокрылась;

3) мечта, грёза, создание воображения.

Станным сном Бывает сердце полно; много вздору Приходит нам на ум, когда бредем Одни или с товарищем вдвоем;

4) нечто нереальное, несбыточное, не существующее в действительности [в знач. сказ.]. *Всё призрак, ложь и сон: И мудрость, и народ, и Слава; Что ж истинно? Одна Забава, Поверь: одна любовь не сон!*

Словарь Академии Российской дает перекликающиеся со словарем языка А. С. Пушкина интерпретации этой лексемы [1, с. 654]:

1) естественное состояние животного, в котором наружные чувства утруднены, успокаиваются, и внешние предметы на них не действуют.

Приятный, спокойный, легкий сон;

2) сновидение, грёзы, сонное мечтание.

Сны суть пустая мечта.

Таким образом, исходя из вышеприведенных словарных дефиниций лексемы сна, можно прийти к выводу, что сон в стихотворениях романтиков выступает как естественный физиологический процесс, в котором пребывает лирический субъект, и как нечто, созданное воображением. В этот момент его сознанию присущ минимальный уровень напряжения, а также свойственна пониженная реакция на окружающий мир. Бестелесные, самобытные существа произвольно представляются глазам субъекта, причем ему кажется, что он действительно видит и слышит то, что у него совершается перед глазами. В подобном состоянии лирический субъект зачастую спрашивает себя, правда ли все, что с ним происходит, реально ли то, что его окружает, или же это просто иллюзия, принявшая в данном случае

форму сновидения. Отсюда двусмысленность происходящего сохраняется до конца приключения: реальность или сон? Правда или иллюзия? Эти вопросы не могут оставить лирического субъекта равнодушным на протяжении всего сюжетного действия.

В состоянии сна перед взором лирического субъекта обычно появляется целая коллекция объектов потустороннего мира: видение, привидение, призраки, тени. Однако выделить доминирующую лексему, номинирующую объекты потусторонней действительности, которые являются во сне лирическому субъекту, нельзя. Количество видений, теней, привидений и призраков в данной сюжетной ситуации практически одинаково, за исключением лексемы «привидение», которая всего лишь на несколько единиц уступает другим лексемам.

2. Воспоминание. Это состояние всегда имеет дело с прошлым субъекта, тем, что сохранилось в его памяти. Оно воплощается в образах, чувствах, впечатлениях. Воспоминания так же, как и сны, бывают:

а) реальные, когда лирический субъект совершает ретроспекцию — мысленно выстраивает прошедшие события жизни в определенный временной ряд;

б) граничащие с мечтой. Нередко в стихотворениях поэтов-романтиков наблюдается союз воспоминания и мечты. Мечта, в отличие от воспоминания, отвечает за некоторую принципиально субъективную окраску, что позволяет поставить воспоминание под вопрос. Отсюда продукт деятельности этого союза выступает двусмысленным. В этом пункте значимую роль в появлении призрака играет причинно-следственная логика: сначала герой видит призрака, созерцает его действия, а затем в его памяти всплывает ряд каких-либо воспоминаний: светлых, трагических. Подобные воспоминания спровоцированы видением.

Однако может быть и иная ситуация, когда появлению видения предшествуют скорбные размышления героя о бренности земного существования или его воспоминания о прожитой жизни, о своих близких. Эти воспоминания обретают некую самостоятельность, тем самым вызывая различного рода видения.

Ситуацию воспоминания обслуживают следующие лексемы: тень, видение, привидение, призрак. Характерно, что доминирующей лексемой в данной ситуации является тень. Явление этого объекта потусторонней действительности лирическому субъекту в его воспоминаниях не случайно. Именно мотив тени вносит контраст между плачевном настоящим и идеалом в утраченном прошлом или в воображаемых неосуществимых условиях.

3. Встреча с призраком. Это событие является центральным в мистических стихотворениях поэтов-романтиков, так как с ним связано основное развитие сюжета. Характер поведения призрака различен. Это могут быть странные, мистические действия призрака; его внезапное появление и неожиданное исчезновение из поля зрения лирического субъекта, а может быть и вовсе неожиданная форма — молчаливое появление перед героем в качестве репрезентантов потустороннего мира. Суть их явлений заключается в том, чтобы представить себя самих.

Встреча с призраком также характеризуется формой включенности лирического субъекта в ситуацию явления призрака: либо он вступает в контакт (речевой/тактильный) с репрезентантом потустороннего мира, либо является пассивным созерцателем, случайным свидетелем разворачивающейся перед ним картины.

В ситуации встречи лирического субъекта с призраком появляются такие объекты потустороннего мира, как видение, привидение, призрак, тень. Доминирующими лексемами выступают непосредственно «призрак» и «тень». Характерным свойством этих объектов является их иллюзорность. Эта особенность определяет их локализацию на границе между видимым и невидимым.

4. Крайней возможной ситуацией встречи лирического субъекта с призраком является его мечтательное состояние, его сладостные мечты. Нечто сверхъестественное в поэтических текстах романтиков возникает именно в момент мечтаний лирического субъекта, которому предстоит решить, принадлежат ли воспринимаемые ими явления к «реальности» в том виде, как она существует в общем мнении, или это всего лишь навсегда плод его богатого воображения. Явление призраков в момент каких-либо мечтаний лирического субъекта — это так называемые внутренние видения.

Ситуацию мечтаний лирического субъекта обслуживают следующие лексемы: тень, видение, привидение, призрак. Доминирующими являются все четыре лексемы, обозначающие объекты потусторонней действительности. Примечательно, что в совокупности эти объекты обозначают видения субъективного характера, как мечтания или фантазии.

Итак, в своей работе мы попытались создать типологию ситуаций встреч лирического субъекта с призраками, выяснить, какие объекты потусторонней действительности обслуживают эти ситуации, каково их количество:

1) сон, который имеет двойственную природу в стихотворениях романтиков: видения во сне — 21, тени во сне — 20, привидения во сне — 11, призраки во сне — 20;

2) следующей ситуацией встречи с призраком в нашей типологии является воспоминание: тени в воспоминании — 16, видения в воспоминании — 9, призраки в воспоминании — 11, привидения в воспоминании — 4;

3) самой частотной ситуацией оказалась непосредственно сама встреча с призраком: встреча с видением — 10, встреча с привидением — 13, встреча с призраком — 18, встреча с тенью — 20;

4) крайней возможной ситуацией встречи лирического субъекта с призраком в нашей типологии является его мечтательное состояние, его сладостные мечты: видения в воспоминании — 12, тени в воспоминании — 13, призраки в воспоминании — 13, привидения в воспоминании — 11.

Заключение. Зачастую стихотворение того или иного поэта-романтика населено «жильцами» потустороннего мира, их откровениями лирическому субъекту. Из построенной типологии видно, что во всех трех ситуациях встречи с призраком используется целая коллекция лексем, обозначающих объектов потустороннего мира: видение, привидение, призрак, тень. Примечательно, что эти объекты, являясь персонажами одного сюжетного спектра, могут воплощаться в самых различных образах, взаимозаменять друг друга, иметь различные номинативные характеристики: ангела, Гения, Верной...

Список цитируемых источников

1. Словарь Академии Российской : в 6 т. — СПб. : Император. Акад. Наук, 1789—1794. — Т. 5. — 1084 с.
2. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 2-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 2000. — Т. 4. — 1187 с.

УДК 821. 163.3: 82-31

Я. У. Кавальчук

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

МАТЫЎ СІРОЦТВА Ў АПОВЕСЦІ УЛАДЗІМІРА ЯГОЎДЗІКА «ВОЧЫ НАЧНІЦЫ»

Уводзіны. Сіроцтва — гэта з’ява, якая ў шырокім сэнсе характарызуе становішча дзіцяці, што засталася без апекі бацькоў. Матыў сіроцтва распаўсюджаны ў беларускай літаратуры. Пакутлівае дзяцінства пераканаўча апісана ў праявітых апавяданнях Якуба Коласа «Сірата Юрка», «Дзевачына». Письменник паказвае тую ўмову, у якіх узнікае дзіцячая беспрытульнасць, беднасць, пакуты і адзінота. Яркім прыкладам раскрыцця тэмы сіроцтва з’яўляецца апавяданне Цёткі «Сірата». Гора, адзінота галоўнай гераіні гэтага твора, Настулькі, не знайшлі спагады сярод дарослых аднавяскоўцаў. Гэтаму апавяданню ўласцівы моманты псіхалагічнай напружанасці, якія вучаць неабякава ставіцца да сіраты. Праблема фарміравання характару хлопчыка-сіраты раскрываецца ў апавесці Я. Брыля «Сіроты хлеб». У цэнтры ўвагі пісьменніка — духоўны рост заходнебеларускага падлетка, якога выходзіць адна маці, паказ сацыяльнага, маральнага сталення героя [1, с. 30].

Матыў — прасцейшая сэнсавая адзінка сюжэта, аснову якой складаюць дзеянні і ўчынкі персанажаў. Значэнне матыву залежыць не столькі ад пачатковага зместу, колькі ад яго ролі ў агульнай структуры твора. Тэрмін «матыў» часцей за ўсё ўжываецца як сінонім паняцця «тэма», асабліва ў дачыненні да лірычных твораў, калі неабходна падкрэсліць не толькі разумовы, але і пачуццёвы бок ідэі [2, с. 485]. Некаторыя даследчыкі лічаць, што матывы можа разглядацца і як частка тэмы.

Асноўная частка. Пераканаўча пра боль сіротага дзяцінства расказвае сучасны пісьменнік Уладзімір Ягоўдзік. Прадметам даследавання ў межах дадзенага артыкула будзе матывы сіроцтва ў яго апавесці «Вочы начніцы».

Галоўным героем апавесці «Вочы начніцы» з’яўляецца Валерык Літвінчук — падлетак, які жыве з маці, бабуляй і дзядулем. Яго бацька загінуў на вайне. Хлопчык быў тады зусім малым, таму родныя не надта хочуць яму пра гэта распавядаць. Усё, што засталася Валерыку ад бацькі, — зімовая шапка, якую прывёз дзед Павел, калі ездзіў на пахаванне [3, с. 20]. Дзяцінства хлопчыка азмочана не толькі адсутнасцю бацькі, але і хваробай маці, прадчуваннем яе адыходу ў іншы свет. Замяніць маці спрабуе бабуля, але хлопчык мае надзею на выздараўленне маці і не хоча адмаўляцца ад яе.

Падлетак прадчувае трагічны лёс маці, але пра гэта адкрыта не гаворыць. Прадвесцем бяды становіцца амяла. Дзед наступным чынам тлумачыць хлопчыку міфічнае значэнне расліны:

— Гэта амяла, — а па-колішняму — вока Начніцы... Старыя людзі баялі, што ў амяле хаваецца Начніца, пакуль не прыліпне да чалавечай душы... [3, с. 29].

Калі Валерык даведаўся пра гэты трагічны знак, яго ахапіў жах. Спачатку хлопчык не паверыў прыкмеце, аднак назаўтра яго маці сапраўды забралі ў бальніцу. Падлетак пачынае аглядаць суседскія дрэвы, але амяла знаходзіць толькі на сваім двары. Ён пакутуе, абвінавачвае расліну ў сваім горы, не хоча верыць словам дзеда.

Маці Валерыка, цяжка хварэючы, праяўляе асаблівы клопат, ласку, пяшчоту ў адносінах да сына. Яна моцна шкадуе яго, бо ведае, што з цягам часу Валерык застанеца адзін. Хлопчык паказаны ў той момант, калі ён разумее непазбежнасць сіроцтва. Самае цяжкае — чаканне. І ўсё ж, нягледзячы на